

— Вы с невесткой сегодня весь день провели вместе. Ты хоть домой возвращался отдохнуть? — тихо спросил Сюн Цзиньчжоу.

— Я не устал. Лягу пораньше, и всё, — ответил Нин Гуйчжу.

Он был в приподнятом настроении. Поспать можно когда угодно, а вот набрать столько молодых побегов ещё удастся не скоро. Днём они возвращались домой два или три раза целой процессией, половина деревни это видела. Завтра наверняка многие пойдут искать водяной бамбук сами.

Добравшись до дома, Ван Чуньхуа сказала:

— Цзиньчжоу, Гуйчжу, сегодня поужинаем у нас. Заодно вместе всё обработаем.

— Хорошо, — поспешно согласился Нин Гуйчжу.

У них дома не хватало ни посуды, ни больших ёмкостей для заготовок, да и показать семье, как правильно подготовить побеги, было удобнее здесь.

Сложив связки, Ван Чуньхуа и Лю Цюхун ушли готовить ужин, а Нин Гуйчжу остался с тремя мужчинами разбирать добычу.

— Берём только самую нежную часть. Если ноготь не продавливают, отбрасываем, — объяснил он.

Для наглядности он несколько раз сжал побег пальцами, затем отрубил жёсткую часть и разрезал пригодный кусок вдоль пополам.

— Сначала так. Потом ещё разберём.

Мужчины внимательно посмотрели, повторили несколько раз и, получив одобрение, стали работать быстрее и увереннее. Пока они возились с побегами, из кухни поплыл аромат готовой еды.

Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй вынесли блюда наружу:

— Дедушка, папа, дядя, дядя Нин, ужин готов!

— Идём, сейчас, — откликнулся Сюн Цзиньпин, отложил нож и вытащил из колодца ведро воды, чтобы ополоснуть руки.

Сюн Цзиньчжоу поднялся:

— Пойдём, Гуйчжу.

— Угу.

Нин Гуйчжу быстро дорезал побеги, и они вместе подошли к ведру. Когда все четверо вымыли руки, блюда уже стояли на столе, а Ван Чуньхуа раскладывала рис по чашкам. Сегодняшний ужин был сытным: пшеница, очищенная не до конца, так что на зёрнах ещё оставалась тонкая оболочка, сваренная вместе с бататом. Простая, но плотная еда.

Старшие заняли почётные места. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сели рядом, напротив - Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа. Трое детей устроились на одной стороне, уже с чашками в руках, нетерпеливо ожидая, когда все усядутся. В крестьянском доме особых церемоний за столом не было, как только все заняли места, можно было начинать.

Нин Гуйчжу оглядел блюда, взял палочками ломтик бамбукового побега. Тонко нарезанные побеги обжарили, затем слегка потушили с солью - вкус получился на удивление приятным.

Ложка пшеницы, кусочек побега. Пшеничная шелуха ощущалась на зубах, слегка царапая горло, зато батат был сладкий и мягкий. Если смешать его с зерном, получалось ароматно и сытно.

Нин Гуйчжу сосредоточенно ел, когда в его чашке появился дополнительный кусок батата.

— Ешь побольше батата, — тихо сказал Сюн Цзиньчжоу.

За столом все на мгновение замерли. Первой опомнилась Лю Цюхун:

— Гуйчжу, не слушай его. Не хочешь батат, верни обратно. Зерна сварили много, ешь спокойно.

Нин Гуйчжу поджал губы, улыбнувшись:

— Спасибо, матушка. Батат вкусный, мне правда нравится.

— Нравится, говоришь... — Лю Цюхун явно не поверила, но раз он так сказал, только и смогла ответить: — Ну раз нравится, и ладно, и ладно.

С этими словами она сердито зыркнула на сына. Вот уж удружил, заставляет супруга бататом давиться, а сам пшеницу уплетает. Стыд какой.

Сюн Цзиньчжоу с самым невинным видом моргнул:

— Мам, а ты что, есть не будешь?

— Буду, буду! Только и знаешь, что есть целыми днями! — фыркнула она и, схватив палочки, положила в чашку Нин Гуйчжу два куска вяленого мяса. — На, ешь побольше мяса.

Из жалости она выбрала самые жирные куски, почти чистое сало. Нин Гуйчжу едва сдержал смехок. Сюн Цзиньчжоу тут же потянулся, чтобы переложить жир к себе, но не успел, Нин Гуйчжу незаметно остановил его взглядом и лёгким движением палочек.

Сюн Цзиньчжоу нахмурился. За эти дни он уже заметил: Нин Гуйчжу не любит жирное мясо. В любые блюда он добавляет соль, а мамино вяленое мясо, похоже, совсем не в его вкусе.

Не обращая внимания на внимательный взгляд мужа, Нин Гуйчжу откусил кусочек жирной вяленой свинины. Почти полное отсутствие соли и внезапный поток горячего жира во рту - испытание не из лёгких. Он поспешно заел всё бататом. Сладость мягкой мякоти смыла жирность, и на мгновение показалось, будто он снова «ожил».

Сладкий батат. Хрустящие бамбуковые побеги. На этом он и продержался до конца ужина.

После еды никто не разлёгся отдыхать, все вновь разошлись по делам.

— На кухне вскипятите побольше воды, нам и для бамбуковых побегов, и для водяного бамбука понадобится, — сказал Нин Гуйчжу, засучивая рукава и первым принимаясь за дело.

Сюн Цзиньчжоу тут же отозвался:

— Я сбегаю домой за нашим ножом.

— Беги, беги скорее.

Вся семья дружно взялась за работу. Спустя некоторое время принесённые за день побеги и водяной бамбук были очищены и подготовлены. Все невольно повернулись к Нин Гуйчжу - ждали дальнейших указаний.

— Сначала принесите все вёдра. Хотя бы те, которыми чаще всего пользуетесь.

— Цзиньпин, сходи с братом, — распорядилась Лю Цюхун.

Сама она от Нин Гуйчжу отходить не собиралась, боялась пропустить хоть один шаг, а потом не

разобраться, что и как делается.

Нин Гуйчжу сложил нарезанные ломтиками крупные побеги в таз и залил их кипятком.

— Эти, когда вода остынет, можно будет вынуть, дать стечь и сушить.

Ломтиков получилось немного, их быстро ошпарили. В это время Сюн Цзиньпин и Сюн Цзиньчжоу вернулись с деревянными вёдрами. Оставшиеся крупные побеги, разрезанные только пополам, Нин Гуйчжу сложил в ведро и добавил:

— Обработанный водяной бамбук тоже кладите сюда.

Едва он договорил, как Ван Чуньхуа и Лю Цюхун уже принялись за дело, троим мужчинам почти не осталось, где приложить руки.

Когда всё было залито кипятком, Нин Гуйчжу указал на ведро с крупными побегами:

— Если подержать их в воде подольше, получится кислый бамбук. Запах будет не самый приятный, зато вкус хороший.

Затем он показал на водяной бамбук:

— Эти пусть постоят дольше. Потом их нужно будет вынуть, хорошо отжать, пересыпать солью и уложить в квасильную кадку. А можно нарезать и высушить, так они спокойно пролежат до зимы.

— А когда их можно будет есть? — спросила Лю Цюхун.

Зимой-то понятно, но ведь и в другое время года припасы лишними не бывают.

— Ломтики можно есть сразу после сушки. Кислый бамбук - когда появится характерный запах и вкус. А водяной бамбук дней через шесть-семь. Если жара, то и через три можно пробовать.

Обсудив всё, Нин Гуйчжу с Сюн Цзиньчжоу забрали свои вещи и вернулись домой. Когда их силуэты скрылись из виду, Ван Чуньхуа тихо сказала:

— Мама, может, потом стоит отдать Гуйчжу побольше из всего этого?

— А то как же, — фыркнула Лю Цюхун, окидывая взглядом двор, заставленный вёдрами и бочками. На душе у неё было светло и радостно. — Столько всего наделали. Половину отдадим им, и нам всё равно хватит.

Когда принимали молодого гера в дом, всё произошло поспешно и при особых обстоятельствах: потратились только на угощение гостей, даже полноценного выкупа не дали. А теперь Нин Гуйчжу так щедро делится своими умениями.

Лю Цюхун уже прикидывала в уме, как лучше поступить, и решила вечером обсудить это с мужем. Теперь, когда младший сын женился, у обоих сыновей появились свои семьи. С самого начала нужно всё чётко разграничить, чтобы со временем недомолвки не разъели отношения.

Вечером, пока они мыли ноги перед сном, Лю Цюхун заговорила об этом с Сюн Шишанем. Тот грыз сушёный батат и пробормотал с набитым ртом:

— Когда старший женился, мы потратили больше семи лян, да? А младшему свадьба почти ничего не стоила, только на стол немного. Может, просто дать им семь лян?

— Эх, не только в этом дело.

Лю Цюхун вытерла ноги, забралась на постель и достала из ящичка у изголовья грубый холщовый мешочек.

— Вот всё, что мы за эти годы накопили. Посмотри.

Сюн Шишань опешил:

— Делить хозяйство собралась?

В их округе не принято было делить имущество, пока родители живы.

— Ты о чём вообще? — Лю Цюхун сердито хлопнула мужа по плечу — раздался звонкий «шлёп». Старик поморщился, но она не обратила внимания. — Просто в нашей маленькой семье всё нужно проговорить заранее. Ты что, боишься, что дети нас потом бросят?

Она развязала мешочек, отсчитала семь лян и отложила в сторону.

— Эти младшему в компенсацию. Остальное мы с тобой оставим себе на старость и на болезни, чтобы потом не тянуть с детей. А что останется, разделим между двумя семьями.

— Ещё и землю надо поделить. Каждой семье по два му хорошей пашни, по два му средней и по одному му худой. Остальное оставим себе, — сказала Лю Цюхун, проводя шершавыми пальцами по купчим на землю. Помедлив, она всё же добавила вполголоса: — Бумаги пока останутся у нас. Работать будем вместе, просто сразу оговорим, чей урожай.

— Вот ведь ты, — усмехнулся Сюн Шишань, заметив, что у жены вот-вот слёзы навернутся. Он аккуратно сложил документы и серебро обратно в мешочек. — Жалеешь, а строишь из себя великодушную. Ты же сама говорила, дети у нас хорошие, бояться нечего.

— Да не боюсь я, — буркнула Лю Цюхун. — Просто жалко.

Они погасили масляную лампу. В темноте слышались лишь их негромкие голоса.

— Чего жалко? Пока мы живы, земля всё равно наша.

— Да я не об этом...

— Знаю, знаю.

Половину жизни они прятались от военных отрядов, спасались от смуты. И лишь когда наступил мир, ценой тяжёлого труда сумели собрать хоть что-то своё. Разве легко вот так взять и раздать? Дело было не в детях, а в том, сколько сил стоило нажитое.

О том, что решили старшие, молодые не знали. Вернувшись домой, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сначала накормили проголодавшихся кур, утят и собак, потом прибрали двор. Сюн Цзиньчжоу устроился у очага раздувать огонь, а Нин Гуйчжу рядом замешивал тесто.

— Сегодня мы набрали грибов и водяного сельдерея. Завтра тебе что сделать, грибные баоцзы или с сельдереем? Можно ещё с мясом и бамбуковыми побегам. Водяной бамбук очень вкусный.

— Мне всё подойдёт, — привычно ответил Сюн Цзиньчжоу.

Этот ответ действительно был вполне ожидаемым. Нин Гуйчжу даже головы не поднял и продолжил:

— В шкафу осталась только вяленая свинина. Сходи потом в погреб, принеси ещё мяса. В погребе, конечно, прохладно, но мясо всё равно нельзя хранить слишком долго.

Если без соли и без заморозки полежит подольше, то испортится.

— Тогда я всё подниму наверх.

— Можно и так, — Нин Гуйчжу подумал и согласился. — Потом займись этим, лишнее закопчу и сделаю вяленое мясо.

Сюн Цзиньчжоу, услышав это, замер на шаге и нерешительно сказал:

— Это... может, не надо?

Вяленое мясо всё-таки не такое вкусное, как свежее.

Нин Гуйчжу поднял голову, увидел выражение его лица и с улыбкой сказал:

— Не такое, как мы сейчас едим. Обещаю, вкус будет не хуже.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Не верится, но раз супруг решил, так тому и быть.

Он нехотя согласился:

— Ладно тогда.

Нин Гуйчжу с улыбкой покачал головой, не обращая на него внимания, и продолжил месить тесто. Нужно будет сделать немного закваски, тогда в следующий раз готовить баоцзы станет удобнее.

<http://bllate.org/book/14958/1439578>